

Вернувшись из управы, куда его утащили солдаты Армии Таинственных Символов, Вэнь Ци уныло ковылял по улице. Десять ударов палками давали о себе знать при каждом шаге, заставляя его невольно морщиться и хромать, что то и дело привлекало внимание редких ночных сторожей.

Вэнь Ци давно привык быть притчей во языцех и растерял остатки стыда. В былые времена, когда он спускал все до единого гроша в игорных домах, соседи то и дело судачили у него за спиной, называя парня никчемным бездельником, пропащей душой и паразитом, способным лишь проедать семейные запасы. К косым взглядам и насмешкам ему было не привыкать.

Даже под допросом в Армии Таинственных Символов он не обмолвился о Су Цзюгуе ни единым словом, хотя и сам толком не понимал, какая сила держала его за язык.

Наверное, дело было в обещании, которое он дал Сяобаю. Раз уж пообещал помалкивать — значит, нужно держать слово. Пусть праведником он никогда не был, но если уж связывал себя обещанием, то расшибался в лепёшку, а выполнял.

Толкнув створку родной калитки, Вэнь Ци удивленно моргнул. Ворота оказались незапертыми, хотя он уже мысленно приготовился со стоном лезть через забор.

Су Цзюгуй не просто забыл о засове — он намеренно оставил для него дверь открытой.

Перед глазами покойной тенью вдруг встала мать. Когда семейное гнездо Вэнь пришло в упадок, а сам он с головой погрузился в угар игорных притонов, возвращаться домой приходилось далеко за полночь. Матушка Вэнь извелась от тревоги, но, даже зная, что ее непутевый сын опять просаживает последнее, всегда оставляла дверь приоткрытой.

Вэнь Ци перевел взгляд на окна покоев Су Цзюгуя. Свечи там давно угасли; похоже, заклинатель уже спал.

В горле встал горький ком, а глаза предательски защипало от внезапной тоски по матери. С тех пор как её не стало, только Су Цзюгуй относился к нему по-человечески.

Стараясь не производить лишнего шума, он на цыпочках прокрался в западный флигель, боясь нарушить покой Су Цзюгуя.

Избитый зад нестерпимо горел, лишая всякой надежды на удобную постель — оставалось только улечься на живот, уткнувшись лицом в подушку. Время близилось к рассвету. Дикая усталость взяла верх над ноющей болью: стоило устроиться на тюфяке, как веки налились свинцом.

Но сон не шел. По комнате вдруг пополз липкий, пронизывающий холод. Вэнь Ци недоуменно нахмурился: на дворе стояла середина душного лета, откуда взяться такому леденящему

сквозняку?

Он резко открыл глаза. Дверь, которую он сам же плотно притворил, оказалась приоткрыта на ширину ладони.

Сквозняком потянуло? Быть не могло — он отчетливо помнил, как опустил тяжелую задвижку.

Неужели почудилось? Вэнь Ци затаил дыхание, не сводя глаз с темного зазора.

И тут на дверной косяк легла мертвенно-бледная, обтянутая кожей костлявая рука. С исхудающих пальцев шумно капала болотная жижа.

У него внутри все оборвалось, а волосы на затылке встали дыбом. Разум кричал, что нужно немедленно бежать, но тело онемело, отказываясь повиноваться. На спину навалилась липкая, давящая тяжесть, будто кто-то бесшумно опустился сверху и прижал его к кровати. В шею дохнуло могильной гнилью, а у самого уха раздался свистящий, леденящий душу шепот.

Окаменев от ужаса, он не смел шевельнуться. Тварь за его спиной тяжело вздыхала, но повернуть голову означало признать ее присутствие. В памяти всплыли рассказы стариков о том, что на плечах у живых горят два невидимых светильника духа, охраняющих душу. Стоит обернуться в темноте на чужое дыхание — и один из них угаснет навсегда.

Кожа на голове натянулась от страха. Дрожащими пальцами он нащупал на груди дешевый оберег — единственное наследство, оставшееся от матери, и сжал его так, что затрещали ногти.

Он снова скосил взгляд на дверь. Бледные пальцы исчезли, но прямо посреди комнаты из ниоткуда соткался уродливый черный силуэт, а у самых ног Вэнь Ци на досках заплескала темная лужа.

Сердце колотилось в горле безумным набатом. Сон, это точно был дурной сон... Ведь его семейное гнездо исстари считалось благословенным местом с безупречным фэншуй, откуда здесь взяться скверне?

За долю секунды тень скользнула ближе. Теперь тварь стояла на четвереньках, согнувшись дугой, словно бешеная собака, готовая к прыжку. Из ее оскаленной пасти на пол капала зловонная черная слизь.

Вэнь Ци замер, не в силах сдержать животный порыв. Повернув голову, он закричал бы, но голос застрял в горле: прямо перед ним зависла синюшная, распухшая рожа. В пустых, лишенных белков и зрачков глазницах клубился мрак, и этот мрак пристально вглядывался в его лицо.

— Помогите! Призрак! — дурным голосом заорал Вэнь Ци.

На этот раз перед ним была подлинная, первородная тварь из преисподней.

Призрачное чудище широко разинуло пасть. Кожа на его щеках лопнула до самых ушей, словно перезрелый арбуз, обнажая ряды острых зубов. Бездонная кровавая глотка метнулась прямо к лицу несчастного.

С визгом рванувшись в сторону окна, Вэнь Ци зажмурился, ожидая смертельного укуса, но боли не почувствовал. Напротив, тварь истошно заверещала, словно ее опалило живым огнем, и спешно отпрянула назад, к самому порогу.

Дрожа всем телом, Вэнь Ци глянул на грудь. Тканевый мешочек с оберегом почернел, на нем явственно виднелся след от ожога.

Ухватившись за него как за спасительную соломинку, Вэнь Ци выставил оберег перед собой, словно пылающий факел, и истошно затараторил:

— Стой там, сука! Не смей подходить! У меня тут... у меня тут артефакт священный, он тебя в пепел сотрет!

Из темноты за дверью повеяло глумливой издевкой. Простой копеечный амулет мог защитить лишь от мелкого сглаза или бродячего духа, но спасти Вэнь Ци от верной гибели ему было не под силу.

Вэнь Ци и сам смекнул, что дело дрянь. Из темных углов, с потолочных балок и из-за оконных рам поползли новые призрачные тени, смыкая вокруг него плотное кольцо. Комната стремительно наполнялась могильным смрадом.

Дураком он не был и прекрасно помнил, что этот копеечный амулет мать выпросила в местном храме Бога Города. Будь в этой вещице хоть капля настоящей магии, его матушка давно бы заделалась великой заклинательницей призраков, а не прозябала бы в нищете.

Твари медленно, шаг за шагом надвигались на него. Вэнь Ци забился в угол, тяжело дыша, словно загнанный волками олененок.

Но вдруг призрачное воинство застыло на месте, словно натолкнувшись на невидимую стену.

В тот же миг на его плечо легла чужая ладонь. Она была совсем не похожа на мертвую плоть призраков — теплая, сухая и надежная, она мягко, но непреклонно удержала его от падения.

Вэнь Ци судорожно сглотнул и обернулся. За его спиной стоял Су Цзюгуй. В эту секунду парню

даже в голову не пришло удивляться, почему этот загадочный постоялец посреди ночи оказался в его комнате.

Впервые в жизни он подумал, что Су Цзюгуй невероятно, неземно красив — чистый бессмертный, сошедший с небесных чертогов. Вэнь Ци было плевать, что перед ним, возможно, сидит опасный демон. Схватившись за подол его одежд, он взмолился:

— Бессмертный, пощади! Спаси меня!

Су Цзюгуй слегка поморщился — к столь молниеносной смене масок у своего непутевого хозяина он еще не привык.

Рядом с этим мужчиной страх мгновенно отступил. Вэнь Ци, который секунду назад едва не наложил в штаны от ужаса, утер нос рукавом и, почувствовав за спиной надежную опору, дрожащим голосом спросил:

— Что... что это за твари такие?

— Покойные обитатели этого дома, — ровным голосом отозвался Су Цзюгуй.

У Вэнь Ци челюсть отвалилась. Души прежних жильцов? То есть... его собственные предки?! Как такое возможно, ведь их усадьба испокон веков считалась благословенной?

— За тобой увязался призрачный заклинатель, — оборвал его расспросы Су Цзюгуй.

Тот, кто балуется призрачным искусством, видит угасшие души и чует их след за версту. Этот призрачный заклинатель заметил Вэнь Ци у дверей лечебницы Милосердного Сердца, уловил исходящий от него душок чужой смерти и по этому следу вышел прямо на Су Цзюгую.

Стоит такому призрачному заклинателю отдать приказ, как все неприкаянные души беспрекословно подчиняются его воле. Вот он и поднял из могил весь род Вэнь, заставив почивших предков ополчиться на собственного непутевого правнука.

— Редкой удачливости ты человек, — невозмутимо добавил Су Цзюгуй.

Невезение парня действительно переходило все мыслимые границы. Сам Су Цзюгуй не раз выходил в город, и ни один призрачный заклинатель его не почувял, а этому недотепе хватило одной прогулки, чтобы притащить домой целую ораву голодных покойников.

— Впрочем, пришли они за мной, — негромко обронил Су Цзюгуй. Не устаивая онемевшего парня дальнейшими объяснениями, он повернулся к дверному проему и холодно бросил в темноту: — А ну покажись.

Из ночного двора донесся утробный, сухой хохот — неестественный и скрипучий, словно уличный чревовещатель забавлялся с поломанной куклой.

— Хе-хе-хе... Не ввали слухи, что ты грудью стоишь за своих щенков.

Преследователь знал наверняка: Су Цзюгуй не бросит своего хозяина и явится на помощь, даже если перед ним будет разверзнута очевидная ловушка.

Дверные створки со стуком распахнулись настежь, обнажая стоявшую на пороге фигуру. На незнакомце было надето тяжелое, засаленное до блеска пальто — нелепый наряд для душной летней ночи, словно он явился прямиком из ледяного пекла.

От гостя разило невыносимой кладбищенской вонью. Немытые волосы свалились в жесткие грязные колтуны, а когда он ухмылялся, из-под тонких синих губ скалились острые зубы, больше похожие на клыки дикого зверя.

Такие клыки могли без труда крошить человеческие кости.

Су Цзюгуй понимал, что появление призрачных заклинателей — лишь вопрос времени. Если весть о его возвращении из мертвых просочилась наружу, призрачные заклинатели станут первыми, кто сумеет разглядеть его истинную суть под чужой личиной.

Увязываясь за Вэнь Ци, призрачный заклинатель лишь надеялся на случайную зацепку, но судьба преподнесла ему поистине царский подарок.

Для духовного взора призрачного заклинателя каждый человек обладал своим линсяном — духовным обликом. У ничтожных смертных он был блеклым и едва различимым, но линсян Лу Юньцзи сиял первозданной чистотой. Даже будучи расколотой и израненной, его душа превосходила любого смертного.

Линсян невозможно скрыть или подделать. Едва взглянув на Су Цзюгуя, призрачный заклинатель понял, что его поиски окончены. Он не удержался от хриплого, глумливого смеха: неужели прославленный Лу Юньцзи переродился в теле ничтожного лисьего оборотня?

Призрачный заклинатель приоткрыл рот, высунув длинный, ярко-красный змеиный язык. На конце этот влажный склизкий отросток раздваивался, мелко подрагивая. Проведя склизким кончиком по губкам, он уставился на Су Цзюгуя так, словно перед ним лежало редкое яство. Медленно, покачиваясь с носка на пятку, он двинулся вперед.

— Лу Юньцзи... Вот я и нашел тебя, великий мастер.

Су Цзюгуй никак не отреагировал на его слова. Заведя Вэнь Ци себе за спину, он лишь бросил

через плечо:

— Отодвинься подальше.

Трусливый Вэнь Ци, который обычно при малейшей опасности улепетывал быстрее лани, сейчас стоял как вкопанный. Округлив глаза, он пролепетал, не веря собственным ушам:

— Ты... ты и есть Лу Юньцзи?

Тот самый легендарный гений с Горы Великой Чистоты, один из четырех великих грандмастеров Поднебесной, перед чьим именем благоговел весь мир и сам Вэнь Ци? Тот, кого он едва не продал властям за горсть монет? Вэнь Ци готов был расшибить лоб о стену от запоздалого стыда.

В голове Вэнь Ци лихорадочно завертелись мысли. Все вокруг твердили, что великий Лу Юньцзи сгинул под ударами небесной кары. Выходит, маска Су Цзюгуя была лишь временным прибежищем для его расколотой души, скрывавшим его немощь от врагов?

Он отчетливо вспомнил их первую встречу: Су Цзюгуй в растерзанном алом наряде новобрачной, истекающий кровью. А потом — его затяжные медитации во дворе, когда некогда великий бессмертный по крупницам собирал силы через простейшие техники закалки тела. Раз грозному некогда мастеру приходилось начинать путь с самых низов, значит, сейчас от его бывшего величия не осталось и следа.

Призрачный заклинатель шел за ними открыто, без тени страха — он был полностью уверен, что совладеет с ослабевшим бессмертным. Сможет ли Су Цзюгуй отбиться от этой твари, имея за душой лишь остатки прежней духовной мощи?

У Су Цзюгуя не было при себе даже захудалого ножа. Вэнь Ци лихорадочно огляделся по сторонам, пытаясь найти хоть какое-то оружие, но в его разоренном доме не нашлось даже кочерги. В голову пришла безумная мысль сбегать в сарай за старым топором для дров.

Но помощь Су Цзюгую не требовалась. Силуэт мужчины смазался, и он пулей бросился вперед, идя на врага с голыми руками.

Закутанный в лохмотья призрачный заклинатель, казавшийся неповоротливым, проявил поразительную прыть. Скользнув в сторону, он легко ушел с линии атаки и отступил в глубь двора.

Су Цзюгуй попытался перехватить его, но противник вовремя уклонился, оставив мастера сжимать пальцами лишь пустоту. В то же мгновение из широкого засаленного рукава

призрачного заклинателя сверкнула сталь. Из клубов темного тумана соткалась кривая коса, испускающая зловоние. Короткий взмах — и лезвие вонзилось в тело Су Цзюгуя. Хлынула кровь.

Су Цзюгуй едва слышно выдохнул сквозь зубы. На его плече расплылось багровое пятно — рана оказалась глубокой, до самой кости. Черная дымка, стягивавшая лезвие, хищно устремилась внутрь раны, пожирая плоть. Обычный человек, отведав такого яда, испустил бы дух через пару дней, даже если бы сумел сбежать.

Призрачный заклинатель сам на миг оцепенел от удивления. Раньше он и помыслить не смел о том, чтобы пролить кровь Лу Юньцзи. Пред этим сияющим бессмертным он был лишь жалкой пылинкой под ногами, неспособной коснуться края его одежд. А сегодня он без труда нанес ему глубокую рану.

Опасения оказались напрасными: Лу Юньцзи действительно превратился в беспомощного лисьего демона, лишившись и сотой доли своего прежнего могущества. Придушить его сейчас — плевое дело, зато весть о смерти великого старейшины мгновенно сделает призрачного заклинателя грозой всего заклинательского мира.

Глядя на багряную влагу, стекающую по лезвию, он залился безумным смехом. Кровь самого Лу Юньцзи! Ему до дрожи захотелось припасть к этой ране губами и испить ее до капли.

Но безумный хохот резко оборвался. Горло сдавила дикая, режущая боль, словно шею обвило невидимое прожорливое кольцо, вгрызающееся в самую плоть.

Тончайшая паучья нить.

Вэнь Ци застыл с открытым ртом. Все это время он принимал Су Цзюгуя за лисьего оборотня, но неужели тот был древним пауком-демоном?

Призрачный заклинатель вытаращил глаза на стоявшего в десяти шагах противника. Тот едва держался на ногах, слегка припадая на колено из-за раны, отравлявшей его тело ядовитым туманом.

Жалкий лисий сосуд не шел ни в какое сравнение с бессмертным телом Лу Юньцзи: ранение мгновенно лишило его сил, заставляя хрипеть от боли. Но Су Цзюгуй даже не взглянул на плечо. Он лишь медленно поднял левую руку, устремив на призрачного заклинателя уничтожающий взор.

Судьба могла лишить его тела и божественных сил, но память души и выверенные веками повадки стереть было невозможно. Пусть теперь он носил личину полудемона, каждое его движение хранило печать грозного грандмастера.

На его тонких пальцах тугими кольцами была намотана призрачная, почти невидимая нить, тянувшаяся к шее захлебывающегося кровью врага. Словно палач, занесший тяжелую секиру, он держал в кулаке чужую жизнь, готовую оборваться от легкого движения пальцев.

— Ты... — сипло выдохнул призрачный заклинатель, но договорить не успел.

По воле хозяина паутина мгновенно натянулась, со свистом врезаясь в плоть. В следующее мгновение его голова с тихим хрустом отделилась от плеч и покатилась по залитым кровью доскам.

— Умоляй меня.

<http://bllate.org/book/18298/1755127>